

Научная статья

УДК 34.096

EDN [UBJVLZ](#)

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1266-1280

Е.Н. Афанасьева¹ , **Р.И. Коротнев²**, **Сунь Юйпэн²**¹ *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Российская Федерация*² *Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация*Автор, ответственный за переписку: Е.Н. Афанасьева, afeka@inbox.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ГЛУБОКОГО СИНТЕЗА В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ: НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Искусственные интеллектуальные системы представляют собой одну из ведущих технологий, раскрывающую потенциал интернета вещей в рамках концепции Индустрия 4.0. Новый виток развития технологий диктует необходимость своевременного и полноценного правового регулирования соответствующих общественных отношений. Данное исследование посвящено изучению искусственного интеллекта в области права, а именно: проведению сравнительного анализа китайского и российского законодательства, поскольку Китай уже осуществил первые шаги в реформировании национального законодательства, Россия же находится в стадии активного формирования законодательной базы в рассматриваемом направлении. Целью исследования является изучение последних тенденций развития законодательства Китая относительно искусственных интеллектуальных систем, а именно технологии Deep Synthesis, а также анализ возможности внедрения некоторых нормативных решений в российское законодательство. Методология исследования основана на теоретическом анализе основных законодательных положений, касающихся регулирования искусственного интеллекта и технологии глубокого синтеза. Информационной базой исследования послужило соответствующее законодательство. Научная новизна заключается в формировании авторской позиции относительно возможности заимствования отдельных элементов нормотворческих решений: определение правового статуса Deep Synthesis и субъектов отношений, связанных с функционированием данной технологии, а также предложение законодательного закрепления тройной классификации искусственных интеллектуальных систем и пр. Проведенное исследование позволило выявить наиболее “рисковые” с точки зрения правовых последствий зоны внедрения рассматриваемой технологии, а также наметить ориентиры для разработки предупреждающих мер по минимизации возможных негативных последствий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Deep Synthesis, глубокий синтез, искусственный интеллект, правовое регулирование, законодательство Китая, законодательство РФ.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 12 мая 2023 г.; дата принятия к печати 05 июля 2023 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2023 г.

Original article

Е.Н. Afanasyeva¹ , **R.I. Kortnev²**, **Sun Yupeng²**¹ *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation*² *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*Corresponding author: E.A. Usacheva, afeka@inbox.ru

LEGAL REGULATION OF DEEP SYNTHESIS TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENT SYSTEMS: THE CASE OF CHINA AND RUSSIA

ABSTRACT. Artificial Intelligent systems are the one of the leading technologies that is closely related to the potential of the Internet of Things within the framework of

© Афанасьева Е.Н., Коротнев Р.И., Сунь Юйпэн, 2023

the Industry 4.0 concept. A new round of development of technologies requires the timely and full legal regulation of relevant social relations. The study is devoted to the investigation of Artificial Intelligence within the field of law and in particular, to a comparative analysis of the Chinese and Russian legislation. China has already taken the first steps in reforming national legislation, while Russia is at the stage of active forming a legislative framework in this direction. The research purpose is to study the latest trends in the development of Chinese legislation regarding Artificial Intelligent systems, namely Deep Synthesis technology, as well as to analyze the possibility of implementing some regulatory solutions into Russian legislation.

The research methodology is based on the theoretical analysis of the main legislative provisions concerning the regulation of Artificial Intelligence and Deep Synthesis technology. The legislation served as the informational base of the study. The scientific novelty lies in the formation of the authors' position regarding the possibility of borrowing certain elements of normative decisions: the definition of the legal status of Deep Synthesis and the subjects of relations related to the functioning of this technology, as well as the proposal of legislative consolidation of the classification of Artificial Intelligent systems, etc. The conducted research made it possible to identify the most ambiguous areas from the point of view of the legal consequences of the zones of implementation of the technology in question, as well as to set guidelines for the preventive measures' development to minimise possible negative consequences.

KEYWORDS. Deep Synthesis, artificial intelligence, legal regulation, legislation of China, legislation of the Russian Federation.

ARTICLE INFO. Received May 12, 2023; accepted July 05, 2023; available online August 31, 2023.

Новый виток развития человечества ознаменовал собой возникновение доселе неизвестных результатов развития научной мысли. Четвертая промышленная революция породила множество технологий; в данной статье нами будет проанализирована одна из таких технологий — искусственный интеллект. Долгое время специалисты разных областей знаний изучают это межотраслевое явление, комплексность которого трудно переоценить. Возможности применения искусственного интеллекта теоретически безграничны, из этого и вытекает необходимость проведения комплексного анализа в разных областях знаний. Действительно, «... раскрывая потенциал Индустрии 4.0, важно создать определенный “климат доверия” к новым технологиям. Принципиально обеспечить максимальную предсказуемость и прозрачность цифровой трансформации во всех областях жизнедеятельности человека, а обеспечить транспарентность дигитализации современного общества без помощи стабильно урегулированных правовых аспектов, практически невозможно» [1, с. 7]. Предлагаемое исследование будет сосредоточено на проблемах, лежащих в правовой плоскости. Возможности и перспективы использования новейших разработок неизбежно порождают возникновение прежде не существовавших объектов правового регулирования, а, соответственно, и новых правоотношений. Нельзя оставлять без внимания и соответствующие риски, связанные с внедрением искусственных интеллектуальных систем. Эти и многие другие вопросы, безусловно, нуждаются в дальнейшем научном осмыслении с тем, чтобы в последствии обеспечить государство стабильным и достаточным правовым регулированием в рассматриваемой области.

Говоря о степени научной разработанности темы можно отметить, что определенные исследования правового регулирования искусственных интеллектуальных систем уже ведутся учеными из Китая и России. Тем не менее, комплексного сравнительного исследования правового регулирования технологии глубокого синтеза, как одного из направлений использования искусственного интеллекта в обозначенных странах не проводилось. Исследования российских ученых в отношении внедрения искусственных интеллектуальных систем в РФ сосредоточены

на исследовании: статуса искусственного интеллекта в рамках гражданского права, деликтной ответственности искусственного интеллекта, правового регулирования конкретных областей применения искусственного интеллекта (Е.Н. Афанасьева, И.А. Алешкова, Н.В. Крысанова, Е.В. Скурко, Е.В. Будина, Н.В. Кравчук, Д.В. Красилов, З.И. Хисамова). Вопросами правового регулирования искусственного интеллекта в Китае занимались: М.В. Задоило, Д.Л. Кутейников, С.Ю. Кашкин, Е.П. Ермакова. Область исследований китайских ученых характеризуется исследованиями: правового регулирования алгоритмов и защиты прав граждан, правового регулирования возможных сценариев внедрения искусственных интеллектуальных систем (Ч.Ма, Ш.Чжан, Ц.Фэн, Ю.Тан); изучению правового регулирования искусственного интеллекта в РФ посвятили свои работы китайские исследователи: Ц.Чжан, К.У. Ц. Гао, Д.Хуа, Ш.Фэн.

Развитие законодательной базы в области внедрения искусственных интеллектуальных систем в каждом государстве идет по-разному. Данное исследование будет сосредоточено на рассмотрении правового регулирования искусственного интеллекта (а именно, технологии глубокого синтеза) в России и Китае. В Российской Федерации на данный момент принято определенное количество актов, среди которых: Указ Президента № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»; Приказ Минэкономразвития России № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта»; «Перечень поручений по итогам конференции “Путешествие в мир искусственного интеллекта”» № Пр-172 и пр. На уровне федерального законодательства принят ФЗ № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта» в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Как видим, определенная работа в области регулирования внедрения технологии искусственного интеллекта уже ведется. Тем не менее, указанное регулирование нельзя назвать достаточным. На данном этапе оно представлено либо в виде стратегий (как определение направлений регулирования) либо в виде внедрения экспериментального правового режима. В этой связи представляется полезным обратиться к опыту Китайской Народной Республики, где процесс внедрения искусственных интеллектуальных систем сопровождается более солидной нормативной базой.

Как указывалось выше, в данной работе будут проанализированы соответствующие законодательные решения в области внедрения и использования искусственных интеллектуальных систем в целом и технологии глубокого синтеза (опирающейся на машинное обучение и искусственный интеллект) в частности. Итак, в Китайской Народной Республике было принято «Положение об администрировании глубокого синтеза информационных сервисов Интернета» или «Положение об администрировании рекомендаций по алгоритмам информационных служб Интернета» (далее — «Положение о Deep Synthesis»), которое регулирует одно из направлений в области искусственных интеллектуальных систем, а именно — Deep Synthesis. Указанный англоязычный термин (*рус. глубокий/глубокий синтез*) является общепринятым в кругу специалистов, именно поэтому для удобства далее будет использован именно он, несмотря на то, что в официальном документе КНР дословно переводится как «технология рекомендаций алгоритмов приложения»¹.

¹ Положение об администрировании глубокого синтеза информационных сервисов Интернета в КНР // Портал законов Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/regulations-on-the-administration-of-algorithm-recommendation-of-internet-information-services-20220104> (дата обращения: 10.06.2023).

Технология глубокого синтеза широко известна как «deepfake», комбинация «глубокого обучения» и «подделки». Такая технология использует мощные методы машинного обучения и искусственного интеллекта для редактирования или синтеза визуальной и аудиоинформации, которые, таким образом, могут создавать «поддельный» контент [2].

Иными словами под Deep Synthesis следует понимать технологию, позволяющую использовать алгоритмы глубокого обучения и иные алгоритмы генерации и синтеза для создания текста, изображений, аудио, видео, виртуальных сцен и других информационных объектов.

Принятие обозначенного выше нормативного акта обосновано наличием угроз общественной безопасности со стороны технологий создания и замены элементов на существующих видео (в том числе прямых трансляций) при помощи искусственного интеллекта и нейронных сетей. Стоит отметить, что данный нормативно-правовой акт охватывает достаточно узкую область в контексте самого искусственного интеллекта, позволяя регулировать достаточно большой охват общественных отношений. В нем содержатся «конкретные положения об использовании, маркировке, объеме использования и наказаниях за злоупотребление контентом глубокого синтеза» [3].

Обеспокоенность о возможном негативном влиянии на общество со стороны технологии Deep Synthesis и необходимости внедрения способов правового регулирования данных общественных отношений была высказана многими китайскими учеными. Ван Чжицян, к примеру, отметил, что технология Deep Synthesis имеет социальные риски, которые могут препятствовать развитию цифровой экономики и угрожать социальной стабильности [4, с. 87]. Другой исследователь Ван Луншэн указал на отсутствие в китайской правовой системе ответственности по обязательствам, возникающим между коммерческими организациями при использовании Deep Synthesis [5, с. 65]. На необходимость дополнительного правового регулирования оборота персональных данных, возникающего при использовании Deep Synthesis, указал Цзян Кайфань [6]. Таким образом, о необходимости внедрения подобного нормативно-правового акта свидетельствует наличие множества работ ученых, занимающихся вышеозначенными проблемами как непосредственно, так и косвенно.

Для более глубокого понимания природы технологии Deep Synthesis, необходимо обозначить некоторые ее технические аспекты. Сам по себе Deep Synthesis это алгоритм, который автоматически генерирует признаки для реляционных (набор данных с предопределенными связями между ними) наборов данных. По сути, алгоритм следует отношениям в данных к базовому полю (условиям), а затем последовательно применяет математические функции по этому пути и создает финальную функцию [7]. Работа технологии Deep Synthesis — это процесс независимого изучения алгоритмической технологии. Основа технологии Deep Synthesis в основном включает генеративные состязательные сети, сверточные нейронные сети, рекуррентные нейронные сети и другие технологии алгоритмов, среди них алгоритм сверточной нейронной сети является наиболее существенным [8, с. 886]. В настоящее время эти алгоритмические технологии имеют ряд проблем, препятствующих их полноценному применению в различных областях, стоит отметить, что подобные проблемы имеются не только у алгоритмов, но и у иных технологий, связанных с искусственным интеллектом. Важнейшей проблемой для юриспруденции является проблема алгоритмической дискриминации [9].

Для специалистов в области права, важным также является процесс использования Deep Synthesis, который включает в себя следующие черты. Во-первых, «пользователи» и «поставщики услуг» (о данных субъектах более подробно —

далее) технологии глубокого синтеза собирают и используют большое количество данных для «обучения» соответствующих алгоритмов, которые вполне могут носить противоправный характер, иметь статус государственной тайны, коммерческой тайны или же попросту нарушать чьи-либо права. По сравнению с другими цифровыми технологиями, производимые Deep Synthesis «продукты» отличаются высоким качеством, особенно обработка либо изменение изображений, видео и голоса. Несмотря на внушительный функционал, их использование доступно широкому кругу лиц, например, ChatGPT. Из этого вытекает вторая особенность технологии Deep Synthesis — относительная простота в совершении правонарушений и преступлений, как намеренных, так и непреднамеренных. Массовое экстенсивное развитие и распространение информационных технологий оказывает влияние на формирование новых видов преступлений и самих преступников [10, с. 9]. В качестве основных правонарушений, которые принесут за собой технологии Deep Synthesis мы выделяем в первую очередь, правонарушения в области охраны и защиты персональных данных. В частности, в Российской Федерации речь идет о нормах ст. 152.1 ГК РФ и ст. 11 ФЗ «О персональных данных», а в Китайской Народной Республике — ст. 1018 и ст. 1019 ГК КНР (предполагающих наличие согласия гражданина, чье изображение или же биометрические данные были использованы)². В настоящий момент уже существуют технологии Deep Synthesis, позволяющие использовать чужие биометрические данные для их обработки, например — «AI Lab Tools», при помощи которого возможна замена лица одного человека на лицо другого, при этом, сама система на уровне пользовательского соглашения не обязывает «пользователя» соблюдать требования законодательства в части вышеуказанных положений³. Помимо этого, возможны нарушения ст. 152 и ст. 152.2 ГК РФ и ст. 1024 и ст. 1032 ГК КНР, поскольку при использовании текстовых систем Deep Synthesis допускается возможность генерации оскорбительного или же дискредитирующего контента, который может как повлиять на частную жизнь гражданина, так и опорочить его честь, достоинство или же деловую репутацию.

Следующим наиболее обсуждаемыми в настоящий момент возможными правонарушениями являются нарушения в области охраны прав интеллектуальной собственности. Несмотря на то, что сами «поставщики услуг» технологии Deep Synthesis достаточно часто указывают на необходимость соблюдения «пользователями» законодательных норм об исключительных правах⁴, сами же не имеют как таковой возможности пресекать подобные правонарушения. Так, например, дизайнер может беспрепятственно загрузить в сервис по генерации изображений несколько логотипов известных компаний, чьи средства индивидуализации охраняются законом, и получить на выходе «новый» логотип/изображение, которое будет иметь схожую стилистику и очертания с первоначальными логотипами, при этом генерация будет происходить в течении нескольких минут, в то время как, если бы человек вручную делал что-то подобное, то на это уходило бы по меньшей мере несколько дней⁵. Подобное может происходить с любым из охраняемых четвертой частью ГК РФ или же Законом об авторском праве Китая объектов, в том числе и с правами исполнителей (ст. 1315 ГК РФ), так как технологии Deep

² Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (中华人民共和国民法典) : с изм. от 28 мая 2020 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE3MjlkMWVmZTAxNzI5ZDUwYjVjNTAwYmY%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

³ Term of use. AILab Tools. 2023. URL: <https://www.ailabtools.com/term-of-use> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Там же.

⁵ Generate with AI. Stocking AI. 2023. URL: <https://stocking.ai/> (дата обращения: 10.06.2023).

Synthesis могут беспрепятственно в реальном времени заменять лица людей на те, которые будут указаны «пользователями», аналогично и с голосом и пр. Вышесказанное свидетельствует о наличии серьезной угрозы увеличения количества правонарушений, связанных с использованием технологии Deep Synthesis, которая с каждым годом будет только расти.

Указанные риски спровоцировали формирование двух регулирующих систем в КНР, способных повлиять на реальное исполнение законодательных предписаний относительно технологии Deep Synthesis: «Общее законодательство» и «Специальное законодательство» (следует сделать оговорку о том, что в целом такое разделение законодательных массивов характерно для китайской правовой системы). Имея ввиду возможную рецепцию некоторых правотворческих решений, рассмотрим обе эти системы подробнее.

«Общее законодательство» в области регулирования технологии Deep Synthesis в Китае

Система «Общее законодательство», благодаря своей универсальности, позволяет регулировать широкий спектр правоотношений, в том числе отношения связанные с технологиями Deep Synthesis. Сами по себе данные нормы представляют собой набор отдельных положений, действующих в различных правовых институтах, при этом, посредством косвенной относимости к Deep Synthesis, способных регулировать правоотношения с его участием. Такая универсальность позволяет осуществлять защиту прав широкого круга лиц. В данной работе внимание будет уделено в первую очередь «пользователям», «поставщикам услуг» и «техническим специалистам» технологии Deep Synthesis. Для начала обозначим дефиниции вышеназванных терминов в системе китайского законодательства.

Пользователь, в соответствии со ст. 23 «Положения об управлении Deep Synthesis» — это физическое или юридическое лицо, использующее технологию Deep Synthesis для создания, копирования и распространения информации.

Поставщики услуги Deep Synthesis в соответствии с той же статьей — это физические или юридические лица, предоставляющие возможность использовать технологию Deep Synthesis.

Технические специалисты — это физические или юридические лица, осуществляющие техническую поддержку при работе с технологией Deep Synthesis.

Поскольку технологии Deep Synthesis используются практически во всех областях общественных отношений, их регулирование вне сферы действия норм «общего законодательства» — невозможно. В соответствии со ст. 1167 ГК КНР и ст. 69 «Закона о защите личной информации Китайской Народной Республики»⁶, лицо, чьи права были нарушены, вправе требовать прекращения осуществления действий, ставящих под угрозу личную безопасность или безопасность иного лица, а также возможность требовать пресечения подобных действий или же устранения источника опасности. Статья 1195 ГК КНР предусматривает следующее: если пользователь сети совершает вредоносное действие посредством использования сетевой услуги, правообладатель имеет право уведомить поставщика сетевых услуг о принятии таких необходимых мер, как удаление, блокировка или отключение. Уведомление должно включать предварительные доказательства, устанавливающие правонарушение, и настоящую информацию, удостоверяющую личность правообладателя. Кроме этого, ст. 1183 ГК КНР охраняет репутацию

⁶ Закон о защите личной информации Китайской Народной Республики (中华人民共和国个人信息保护法): от 20 авг. 2021 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3YjY0NzJhMzAxN2I2NTZjYzIwNDANdQ%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

физического лица, а также предусматривает возмещение морального вреда. В связке, комплекс данных норм позволяет уже сейчас осуществлять охрану прав, нарушенных при помощи технологии Deep Synthesis, особенно в части посягательств на личные неимущественные права.

Аналогичная практика существует и в отношении охраны авторских прав. Так, в качестве главенствующей нормы, китайские правоприменители используют положения ст. 52 «Закона об авторском праве Китайской Народной Республики»⁷. Указанная норма, во-первых, устанавливает гражданско-правовую ответственность в отношении действий нарушающих права авторов. Гражданско-правовая ответственность предусматривает: пресечение совершения правонарушения; устранение последствий, вызванных правонарушением; выплата/компенсация за причиненный ущерб; принесение извинений. Кроме того, ограничен перечень тех самых действий, которые являются правонарушениями. В рамках данного исследования наибольший интерес представляет подп. 4: «искажение или фальсификация чужих работ», поскольку сущность Deep Synthesis, в грубом выражении, представляет собой именно искажение/изменение/редактирование результатов интеллектуальной деятельности.

Применительно к «поставщикам услуг» также существует ряд норм, которые в контексте рассматриваемой темы могут быть отнесены к «общему законодательству». К таковым относятся ст. ст. 9 и 13 «Положения об управлении рекомендациями по алгоритму предоставления информационных услуг в Интернете»⁸, обязывающие «поставщика услуг»: во-первых, устанавливать уникальные идентификаторы на выпускаемую продукцию, и, во-вторых, генерировать оригинальную и проверенную информацию и новости (не допускается генерирование и публикация недостоверной или же ложной информации). Также особая ответственность возлагается на поставщиков услуг в части оказания технических услуг, предусмотренных ст. 31 «Положения об управлении рекомендациями по алгоритму предоставления информационных услуг в Интернете». Под техническими услугами понимается контроль за соответствием и качеством услуг, предоставляемых информационными службами в сети Интернет, к ним, в том числе относятся и технологии Deep Synthesis. Ответственность за нарушение данных норм может быть выражена в виде штрафа или же приостановки работы информационных служб поставщика услуг.

Помимо гражданско-правовой ответственности, возможно наступление и уголовной ответственности в результате неправомерного использования технологии Deep Synthesis. Так, например, в соответствии с п. 1 ст. 217 УК КНР, «лицо нарушившее авторские права путем копирования, распространения и доведения до всеобщего сведения посредством использования информационных сетей ... программ для ЭВМ и т.д. с целью извлечения прибыли, наказывается лишением свободы ..., а также штрафом»⁹. Для нас, важным является тот факт, что предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности, в том случае, если

⁷ Закон об авторском праве Китайской Народной Республики (中华人民共和国著作权法) : с изм. от 11 нояб. 2020 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY3MGJjNzA1ODc%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

⁸ Положение об администрировании глубокого синтеза информационных сервисов Интернета в КНР // Портал законов Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/regulations-on-the-administration-of-algorithm-recommendation-of-internet-information-services-20220104> (дата обращения: 10.06.2023).

⁹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (中华人民共和国刑法) : с изм. от 01 марта 2021 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY2OTIvNTA0YmY%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

лицо осуществило ряд действий при помощи информационных сетей и программ для ЭВМ. Все это подпадает под область регулирования отношений, связанных с технологиями Deep Synthesis.

«Специальное законодательство» в области регулирования технологии Deep Synthesis в Китае

Система «Специальное законодательство» выражается в нормах, регулирующих именно те общественные отношения, которые имеют непосредственную связь с технологиями Deep Synthesis. В настоящий момент существует лишь один «специальный закон» — «Положение о Deep Synthesis», вступившее в законную силу 10 января 2023 г.¹⁰ Данный нормативно-правовой акт состоит из 24 положений, регулирующих достаточно большой пласт общественных отношений, в частности: возлагает ответственность, наделяет правами и обязанностями «поставщиков услуг», «пользователей» и «технических специалистов», а также устанавливает контрольно-надзорные функции для органов государственной власти. Уникальными чертами данного акта является наличие следующих элементов (упомянутые далее статьи имеют отношение исключительно к вышеуказанному нормативному акту). Во-первых, сфера применения — общественные отношения, связанные с технологиями Deep Synthesis, чего нет и ранее не было ни в одной мировой правовой системе. Во-вторых, необычная природа объекта, вокруг которого построено описание всех правоотношений в данном законе, при этом дефиниция достаточно четко описывает правовую природу и области применения регулируемого объекта. Так, например, технологии, использующие в качестве способа для генерации и синтеза изображений, аудио и видео алгоритмы глубокого обучения, могут быть отнесены к категории технологий в области Deep Synthesis. В настоящий момент подавляющее большинство нейронных сетей подпадает под данное определение. Помимо этого, законодатель устанавливает необходимые требования для изготовления самой технологии Deep Synthesis и требования для производимой с ее помощью продукции. Так, ст. 6 возлагает на «поставщика услуги» ответственность за создание, копирование, публикацию или же распространение недостоверной информации. Серьезное внимание уделяется обороту персональных данных. Так ст. 14 указывает на обязанность «поставщика услуг» перед осуществлением редактирования биометрических данных получить согласие от лица, чья биометрия будет использована в порядке, предусмотренном действующим законодательством КНР о защите личной информации. Сама процедура производства продукции должна находиться под постоянным контролем «поставщика услуг», особенно, если производимая продукция может оказать влияние на «общественное мнение» (ст. 15 обязывает «поставщика услуг» проверять и проводить оценку безопасности механизма генерации алгоритмов Deep Synthesis).

Как упоминалось ранее, данный закон закрепляет ряд контрольно-надзорных функций за государственными органами. В соответствии со ст. 3, таким органом является Департамент национальной сетевой информации, Департамент телекоммуникаций Государственного совета и Департамент общественной безопасности. Функции данных органов закрепляются в ст. 21. Так, в случае если работа технологии Deep Synthesis связана с потенциальной угрозой для общества, контрольно-надзорные органы вправе принять меры для приостановки функционирова-

¹⁰ Положение об администрировании глубокого синтеза информационных сервисов Интернета в КНР // Портал законов Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/regulations-on-the-administration-of-algorithm-recommendation-of-internet-information-services-20220104> (дата обращения: 10.06.2023).

ния данной системы или же возложения запрета на осуществление регистрации пользователей. «Поставщики услуг» обязаны сотрудничать с контролирующими органами, предоставлять всю запрашиваемую информацию.

Несмотря на наличие норм, которые уже регулируют интересующие нас общественные отношения, сама система не является совершенной и имеет ряд существенных недостатков. В частности, «общее законодательство» не позволяет в полной мере защищать нарушенные права. Подобная проблема не нова не только для рассматриваемой нами области, но и в целом для области защиты прав в сети Интернет. Технология Deep Synthesis лишний раз указывает на необходимость усовершенствования законодательства. Наравне с юридическими способами защиты, необходимо повышать качество технических способов защиты, при этом во многих моментах они должны пересекаться и в конечном итоге — действовать как единый механизм. В качестве примера можно привести механизм, при котором первоначальная регистрация прав интеллектуальной собственности будет происходить в системах Blockchain (которые будут сродни современным реестрам Роспатента). Вполне возможно, что в дальнейшем регистрация прав интеллектуальной собственности будет осуществляться по принципам NFT: за объектом будет закреплен уникальный код и при нарушении прав на конкретный объект, суд будет приравнивать факт «регистрации» NFT объекта к общей доказательственной базе. Подобный пример, безусловно, слишком грубый, тем не менее, позволяющий проиллюстрировать возможный синтез двух разноплановых направлений — технического и юридического.

Еще один важный момент: «специальное законодательство» имеет существенную организационную проблему. «Поставщик услуг» вместе с технологией Deep Synthesis обязан также иметь сервис, который будет осуществлять техническую поддержку, работать с «пользователями», разрешать проблемы связанные с работой системы и т.д. Помимо этого на «поставщика услуг» возлагается обязанность по самоконтролю, проведению дополнительных проверок технической составляющей системы, а также излишняя бюрократизация процесса обработки персональных данных, что в конечном итоге существенно повысит затраты «поставщика услуг». Интересно и то, что данный технологический сегмент не отдается «на откуп» рынку полностью, а изначально является подконтрольным государству, что в конечном итоге может говорить о высокой значимости данного направления для самого государства, а также о возможности взять под полный контроль ту или иную разработку на раннем этапе ее внедрения.

Возможности рецепции норм законодательства Китая в российскую правовую систему

Ввиду того обстоятельства, что российское законодательство в области регулирования искусственного интеллекта на данный момент находится только в стадии формирования, представляется возможным позаимствовать опыт Китая, в частности: рецептировать некоторые элементы из вышеуказанного нормативно-правового акта КНР, а также в целом воспользоваться возможностью для анализа ошибок китайских законодателей и опыта применения подобных норм права, несмотря на определенные различия правовых систем. Принятие во внимание опыта КНР в рассматриваемой предметной области диктуется, помимо прочего, участием Российской Федерации в деятельности БРИКС. Как известно, блок БРИКС был создан для координации действий Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР с целью коллективного увеличения темпов экономического роста этих стран за счет активного сотрудничества друг с другом. В последние годы необходимость унификации законодательства в области передовых технологий и кибербезопасности стремительно возрастает.

В данной работе мы сосредоточены на анализе законодательных тенденций в области регулирования искусственных интеллектуальных систем (и технологии глубокого синтеза, в частности) в двух странах: Китае и России.

Существенной отличительной особенностью китайского и российского законодательства является подход к первоначальному правовому регулированию искусственных интеллектуальных систем. Так, китайский законодатель на данном этапе уже сформировал правовую базу непосредственно для Deep Synthesis, который представляет собой непосредственно алгоритм, на что указывается в легальной дефиниции в ст. 23¹¹. В то время как российский законодатель сосредоточился на общем понимании искусственного интеллекта. Сложно однозначно определить, какой из законодателей действует дальновиднее, в конечном итоге формирование новой правовой доктрины напоминает работу сапера, знающего лишь приблизительное расположение мин. Безусловно, оба подхода можно назвать перспективными, однако законодатель Китая действует крайне осторожно, внедряя нововведения касающиеся лишь так называемого «слабого» искусственного интеллекта [11], что позволяет разрешить ряд нынешних проблем и предотвратить многие будущие. Так, в качестве Deep Synthesis, по сути своей выступают все нынешние нейронные сети, которые в свою очередь так или иначе могут быть подконтрольны государству. Определенный консерватизм китайского законодателя можно проследить исходя из сочетания нововведений с уже действующими нормативными актами, в первую очередь: Гражданский кодекс КНР¹², Закон «О защите личной информации»¹³, а также: «Закон о сетевой безопасности»¹⁴, «Закон об электронной торговле»¹⁵, «Закон о безопасности данных»¹⁶ и «Правила управления рекомендациями по алгоритмам предоставления информационных услуг в Интернете»¹⁷.

Подобный подход можно считать вполне обоснованным, поскольку сама по себе юриспруденция консервативна и зиждется на фундаментальных принципах, что позволяет сохранять преемственность и стабильность в большинстве сфер об-

¹¹ Положение об администрировании глубокого синтеза информационных сервисов Интернета в КНР // Портал законов Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/regulations-on-the-administration-of-algorithm-recommendation-of-internet-information-services-20220104> (дата обращения: 10.06.2023).

¹² Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (中华人民共和国民法典) : с изм. от 28 мая 2020 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE3MjlkMWVmZTAxNzI5ZDUwYjYjNTAwYmY%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

¹³ Закон о защите личной информации Китайской Народной Республики (中华人民共和国个人信息保护法) : от 20 авг. 2021 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3YjY0NzJhMzAxN2I2NTZjYzIwNDAwNDQ%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

¹⁴ Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики (中华人民共和国网络安全法) : от 01 июня 2017 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY4Mjc2ZjA5M2Q%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

¹⁵ Закон об электронной торговле Китайской Народной Республики (中华人民共和国电子商务法) : с изм. от 18 сент. 2022 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY4YWYwNTBiODE%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

¹⁶ Закон о безопасности данных Китайской Народной Республики (中华人民共和国数据安全法) : от 10 июня 2021 г. // База данных национальных законов и нормативных актов. 2023. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3OWY1ZTA4MDAxNzlmODg1YzdlNzAzOTI%3D> (дата обращения: 13. 06. 2023).

¹⁷ Положение об администрировании рекомендаций по алгоритмам информационных служб Интернета (互联网信息服务算法推荐管理规定) : от 04 янв. 2022 г. // Национальная нормативная база данных. 2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-01/04/content_5728941.htm (дата обращения: 13. 06. 2023).

пественных отношений. Для сохранения стабильности в современном обществе необходимо руководствоваться в первую очередь базовыми правовыми институтами, поскольку излишняя гибкость и желание подстроиться под “сумасшедший” темп прогресса может дать обратный результат и, вместо прогрессивной правовой системы, есть риск получить нерабочие в реальных условиях правовые нормы и хаотичность правоприменительной практики.

Теперь обратим внимание на отдельные элементы «Положения о Deep Synthesis», потенциально пригодные к рецепции в российское законодательство.

Наиболее интересным представляется статус субъектов правоотношений, а также их ответственность.

Как указывалось выше, ключевым субъектом выступает «поставщик услуг» Deep Synthesis, на котором лежат следующие обязанности: контроль за информационной безопасностью; защита персональных данных; безопасность использования технологии; соблюдение морально-этических правил технологией и т.д. Законодатель возложил огромное количество обязанностей на «поставщика услуг», что упрощает порядок контроля за самими программами со стороны государства. Такой субъект в своем роде можно назвать уникальным. Если попытаться «переложить» его на российское законодательство, то в нем будут сочетаться черты: «оператора» (п. 2 ст. 3 ФЗ «О персональных данных»), «обладателя информации» (п. 5 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), «оператора информационной системы» (п. 12 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Кроме того, теоретически (в зависимости от функционала системы) данный субъект может выступать одновременно и в качестве автора произведения, и в качестве автора базы данных и в качестве патентообладателя. Также, стоит выделить уникальную в своем роде обязанность, указанную в ст. 12 «Положения о Deep Synthesis»: «поставщик услуг» обязан создать сервис, на котором пользователи произведенной ими системы могут осуществлять обратную связь с «поставщиком услуги».

Еще один субъект, поименованный в рассматриваемом нормативном акте — «распространитель технологии, созданной поставщиком услуги» (далее — распространитель). Данному субъекту посвящена только ст. 13 «Положения о Deep Synthesis», в ней законодатель наделяет «распространителя» полномочиями по контролю за технологиями «поставщика услуги». Примечательно, что сам «распространитель» не является государственным или надзорным органом — это дает два важных преимущества для дальнейшего правового регулирования. Во-первых, происходит двойной контроль над технологией: сначала сам поставщик услуги проверяет себя, затем незаинтересованное лицо, которое в случае нарушения порядка проверки поступающих заявок на публикацию несет непосредственную ответственность. Во-вторых, «распространитель», не являясь государственным органом, несет ответственность в качестве юридического лица (ответственность юридических лиц всегда существеннее, нежели ответственность физических лиц и органов государственной власти).

К следующей категории субъектов относятся органы государственной власти (в лице Департамента национальной сетевой информации), являющиеся преимущественно надзорными органами.

И, наконец, уделим внимание такому субъекту как «пользователь» Deep Synthesis. «Пользователь», наряду с указанными прежде субъектами, также наделен рядом обязанностей и несет ответственность. При этом пользователь имеет больше всего прав. Из нетипичного для российского законодательства укажем следующие: пользователь вправе предоставлять согласия на редактирование биометрических данных, таких как голос, черты лица и т.п. (напомним, что в

российском законодательстве предусматривается возможность обработки биометрических данных, но не их изменение/редактирование — п. 3 ст. 3 ФЗ «О персональных данных»). Также, из достаточно «классических» прав можно отметить право пользователя своевременно и в полной мере получать информацию о технологии от поставщика услуги. Как таковых обязанностей, в рамках рассматриваемого нормативного акта, на пользователе не лежит, большая часть обязанностей регламентируется нормами смежных нормативно-правовых актов.

Анализируя опыт КНР, «примеряя» его к российской правовой действительности, можно вынести следующий урок: при введении нового нормативно-правового инструментария российскому законодателю, учитывая неоднородность такого явления как искусственный интеллект, особенно важно создать всестороннюю систему контроля за производимыми им «продуктами», однако, во избежание увеличения уровня бюрократизации, следует переложить ряд функций по контролю на субъектов, не являющихся представителями органов государственной власти. Соблюдение баланса интересов на данном этапе невероятно важно, значимость технологии искусственного интеллекта для общества и государства практически невозможно переоценить, и, первостепенной задачей законодателя является сохранение целесообразности и, что самое главное, желания производителей работать в данном направлении на территории РФ и Китая.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание — это статус самого Deep Synthesis. Правовой статус «машины, наделенной искусственным интеллектом» по сей день является неопределенным. Учеными из разных стран на протяжении последних десятилетий предлагались различные варианты: придать роботам статус юридического лица, изобрести новое понятие — электронное лицо, некоторые даже осмеливались сравнивать их с человеком. Иные и вовсе высказывались об опасности наделения роботов каким-либо правовым статусом [12, с. 145]. В законодательстве Китая он выступает в качестве объекта права. Сам закон относит его к отдельной категории объектов, именуемых — алгоритмы. Вероятно, что и для российского законодателя по аналогии с законодательством Китая целесообразно выделить в отдельную группу подобные технологии. Наиболее перспективной представляется введение классификации искусственных интеллектуальных систем, которые будут делиться на три основные группы:

1. Программы, создаваемые человеком и осуществляющие функции, исходя из первоначального программного кода.
2. Программы, действующие на основе алгоритмов, выполняющих функции, соответствующие слабому искусственному интеллекту.
3. Программы, действующие на основе алгоритмов, выполняющих функции, соответствующие сильному искусственному интеллекту.

Вынесение каждой из этих программ в отдельную, к примеру, главу/подраздел нового закона позволит заложить основы регулирования подобных явлений. Первая группа является по сути своей классическими программами, которые уже регламентированы действующим ГК РФ, что существенно упростит дальнейшую правовую регламентацию всех смежных явлений. Тем не менее, детальная регламентация внедрения и функционирования искусственных интеллектуальных систем должна осуществляться на уровне отдельного федерального закона. Очевидно, внесение существенных изменений в действующий Гражданский кодекс РФ может породить огромное количество коллизий, так как сам по себе искусственный интеллект — это межотраслевое явление, затрагивающее слишком большой пласт общественных отношений.

Подводя итог отметим следующее: технология Deep Synthesis — это новый, уникальный тип цифровых технологий, продукты которой включают в себя дву-

мерные изображения, текст, звук и трехмерную графику. Использование технологии Deep Synthesis несет риски нарушения общественных интересов, прав на интеллектуальную собственность, персональные данные, а также иных прав, относящихся к охране частной жизни. В настоящее время китайская правовая система сформировала системы «общего законодательства» и «специального законодательства», которые способны уже сейчас комплексно регулировать отношения, возникающие в связи с использованием технологии Deep Synthesis. «Общее законодательство» осуществляет правовое регулирование посредством использования норм, имеющих косвенное отношение к Deep Synthesis; «специальное законодательство» сосредоточено на непосредственном регулировании технологии Deep Synthesis. Нельзя также не отметить существенный вклад ученых и практиков на глобальном уровне в формирование общемировых тенденций регулирования общественных отношений, связанных как с технологией Deep Synthesis, так и с искусственными интеллектуальными системами в целом. И, тем не менее, работа в обозначенном направлении должна продолжаться как на уровне мирового сообщества, так и на уровне отдельно взятых государств. В этой связи весьма полезным представляется изучение опыта стран, существенно продвинувшихся в решении рассматриваемых задач.

Список использованной литературы

1. Афанасьева Е.Н. Введение в индустрию 4.0: основы формирования цифрового будущего / Е.Н. Афанасьева. — Томск : ТУСУР, 2021. — 93 с.
2. Interesse G. China to Regulate Deep Synthesis (Deepfake) Technology Starting 2023 / G. Interesse // China Briefing. — URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-to-regulate-deep-synthesis-deep-fake-technology-starting-january-2023>.
3. Li P. The New Application of «Deep Synthesis» Technology in the Field of Artificial Intelligence Will Standardize the Development / P. Li // Teller Report. — 2022. — 24 February. — URL: <https://www.tellerreport.com/business/2022-02-23-the-new-application-of-%22deep-synthesis%22-technology-in-the-field-of-artificial-intelligence-will-standardize-the-development.SJfIvD-419.html>.
4. Ван Чжицзянь. Правовые риски и совместное регулирование применения технологии глубокого синтеза / Ван Чжицзянь, Чэнь Чен // Технология и право. — 2021. — № 05. — С. 85–92.
5. Ван Лушэн. Об интегрированном регулировании интеллектуальной технологии «глубокой подделки» / Ван Лушэн // Восточное право. — 2019. — № 06. — С. 58–68.
6. Цзян Кайфань. Исследование риска нарушения и правового регулирования интеллектуальной технологии «изменения лица» / Цзян Кайфань // Журнал партийной школы. — 2020. — № 06. — С. 35–43.
7. James M.K. Deep Feature Synthesis: Towards Automating Data Science Endeavors / M.K. James, V. Kalyan // IEEE International Conference on Data Science and Advanced Analytics. — 2015. — URL: https://groups.csail.mit.edu/EVO-DesignOpt/groupWebSite/uploads/Site/DSAA_DSM_2015.pdf.
8. Визильтер Ю.В. Структурно-функциональный анализ и синтез глубоких конволюционных нейронных сетей / Ю.В. Визильтер, В.С. Горбацевич, С.Ю. Желтов. — DOI 10.18287/2412-6179-2019-43-5-886-900. — EDN [HOWWPK](https://www.edn.ru/HOWWPK) // Компьютерная оптика. — 2019. — № 5. — С. 886–900.
9. Dissecting Racial Bias in an Algorithm Used to Manage the Health of Populations / Z. Obermeyer, B. Powers, C. Vogeli, S. Mullainathan // Science. — 2019. — Vol. 366. — P. 447453.
10. Криминальная среда цифрового мира как угроза кибербезопасности / А.С. Овчинский, А.В. Шмонин, Б.А. Торопов, Ф.П. Васильев. — DOI 10.25136/2409-7543.2019.5.27115. — EDN [FAKUZH](https://www.edn.ru/FAKUZH) // Вопросы безопасности. — 2019. — № 5. — С. 9–16.
11. Lieto A. Cognitive Design for Artificial Minds / A. Lieto. — London : Routledge : Taylor & Francis, 2021. — 136 p.

12. Афанасьева Е.Н. Новые технологии в области искусственного интеллекта бросают вызов основам гражданского права / Е.Н. Афанасьева. — DOI 10.17223/22253513/36/13. — EDN [LFXUJA](#) // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. — № 36. — С. 145–152.

References

1. Afanaseva E.N. *Industry Introduction 4.0: Fundamentals of Digital Future Formation*. Tomsk, TUSUR Publ., 2021. 93 p.
2. Interesse G. China to Regulate Deep Synthesis (Deepfake) Technology Starting 2023. *China Briefing*. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/china-to-regulate-deep-synthesis-deep-fake-technology-starting-january-2023>.
3. Li P. The New Application of “Deep Synthesis” Technology in the Field of Artificial Intelligence will Standardize the Development. *Teller Report*, 2022, February 24. Available at: <https://www.tellerreport.com/business/2022-02-23-the-new-application-of-%22deep-synthesis%22-technology-in-the-field-of-artificial-intelligence-will-standardize-the-development.SJfivD-419.html>.
4. Van Chzhitsyan', Chen' Chen. Legal Risks and Joint Regulation of Deep Synthesis Technology. *Tekhnologiya i pravo = Technology and Law*, 2021, no. 5, pp. 85–92.
5. Van Lushen. On Integrated Regulation of Deep Forgery Intellectual Technology. *Vostochnoe pravo = Eastern Law*, 2019, no. 6, pp. 58–68.
6. Tszyan Kaifan. Investigation of the Risk of Infringement and Legal Regulation of Intellectual Technology “Change of Face”. *Zhurnal partiinoy shkoly = Party School Journal*, 2020, no.6, pp. 35–43.
7. James M.K., Kalyan V. Deep Feature Synthesis: Towards Automating Data Science Endeavors. *IEEE International Conference on Data Science and Advanced Analytics*. 2015. Available at: https://groups.csail.mit.edu/EVO-DesignOpt/groupWebSite/uploads/Site/DSAA_DSM_2015.pdf.
8. Vizilter Yu.V., Gorbatshevich V.S., Zheltov S.Yu. Structure-functional Analysis and Synthesis of Deep Convolutional Neural Networks. *Komp'yuternaya optika = Computer Optics*, 2019, no. 5, pp. 886–900. (In Russian). EDN: [HOWWPK](#). DOI: 10.18287/2412-6179-2019-43-5-886-900.
9. Obermeyer Z., Powers B., Vogeli C., Mullainathan S. Dissecting Racial Bias in an Algorithm Used to Manage the Health of Populations. *Science*, 2019, vol. 366, pp. 447–453.
10. Ovchinski A.S., Shmonin A.V., Toropov B.A., Vasilev F.P. Criminal Environment of Digital World as a Threat to Cybersecurity. *Voprosy bezopasnosti = Security Issues*, 2019, no. 5, pp. 9–16. (In Russian). EDN: [FAKUZH](#). DOI: 10.25136/2409-7543.2019.5.27115.
11. Lieto A. *Cognitive Design for Artificial Minds*. London, Routledge, Taylor & Francis, 2021. 136 p.
12. Afanasyeva E.N. New Technologies in the Field of Artificial Intelligence Challenge the Foundations of Civil Law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2020, no. 36, pp. 145–152. (In Russian). EDN: [LFXUJA](#). DOI: 10.17223/22253513/36/13.

Информация об авторах

Афанасьева Екатерина Нодариевна — кандидат юридических наук, PhD, доцент, кафедра информационного, гражданского права и правового обеспечения инновационной деятельности, старший научный сотрудник проектной научно-исследовательской лаборатории «Развитие средств и методов электронного государства», Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Российская Федерация, afeka@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3885-4357>, SPIN-код: 8587-9508, ResearcherID: O-8344-2014.

Коротнев Руслан Игоревич — магистр программы «Право интеллектуальной собственности и цифровые технологии», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, corotn@yandex.ru.

Сунь Юйпэн — магистр программы «Право интеллектуальной собственности и цифровые технологии», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, syphbt@gmail.com.

Authors

Ekaterina N. Afanasyeva — PhD in Law, Associate Professor, Department of Information, Civil Law and Legal Support of Innovation,; Senior Researcher, Project Research Laboratory “E-Government Tools and Methods”, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, afeka@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3885-4357>, SPIN-Code: 8587-9508, ResearcherID: O-8344-2014.

Ruslan I. Kortnev — Master’s Degree Student of the Program “Intellectual Property Law and Digital Technologies”, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, corotn@yandex.ru.

Sun Yapping — Master’s Degree Student of the Program “Intellectual Property Law and Digital Technologies”, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, syphthb@gmail.com.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Афанасьева Е.Н. Правовое регулирование технологии глубокого синтеза в контексте искусственных интеллектуальных систем: на примере Китая и России / Е.Н. Афанасьева, Р.И. Коротнев, Сунь Юйпэн. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1266-1280. — EDN [UBJVLZ](#) // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 1266–1280.

For Citation

Afanasyeva E.N., Kortnev R.I., Sun Yupeng. Legal Regulation of Deep Synthesis Technology in the Context of Artificial Intelligent Systems: The Case of China and Russia. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 1266–1280. (In Russian). EDN: [UBJVLZ](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1266-1280.